

УДК 821. 162.1(092)

**КОНЦЕПЦИЯ ГЕРОЯ В СБОРНИКЕ РАССКАЗОВ А.Т. АВЕРЧЕНКО
«ЗАПИСКИ ПРОСТОДУШНОГО»**

канд. филол. наук, доц. Л.М. ШУМСКАЯ
(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы)
akay2012@yandex.ru

Рассмотрены особенности воплощения художественного мышления А.Т. Аверченко в сборнике рассказов «Записки Простодушного». Это нашло выражение в создании нового типа трагического героя – «маленького человека», утратившего родину, но остро ощущающего потерю стабильности жизни и стремящегося обрести себя в новых условиях бытия. Обоснована авторская концепция героя, согласно которой новые культурные ориентиры невозможны без стремления преодолеть разрыв наследственных культурных связей между поколениями, восстановить духовно-нравственные идеалы дореволюционной эпохи, распознать разрушающее воздействие инокультурной среды. Установлено, что в идейной и художественной эволюции героя, превратившегося из наивного глупца в жестокого мудреца и циника, проявляется мировоззрение самого автора. Обосновано представление писателем нового типа трагедии одиночества человека – выходца из «иной среды», иной культуры, одинокого среди людей, которые его не понимают и которых не понимает он. Обоснована самобытность трактовки гротескно-трагического героя Аверченко, который находит новые способы формирования комического эффекта на уровне содержания и формы произведения. Установлены константы характера «маленького человека» (тоска и воля, «свое» и «чужое»), стремящегося сохранить собственную духовность, способную противостоять потрясениям эпохи ради личной свободы.

Ключевые слова: лирическая сатира, концепция героя, художественное сознание, революция, маленький человек, духовность, свобода, гротеск.

Введение. Во все времена, когда происходят глубокие и радикальные изменения в сферах культурной жизни, когда идут напряженные поиски и осмысление новых мировоззренческих ориентиров, особую роль обретает стремление личности найти себя в новых условиях бытия. В культуре первой трети XX в. эта проблема становится особо важной, поскольку она связана с осознанием разрыва традиций, наследственных культурных связей между поколениями и осмыслением потери стабильности существования. Доминирование в сознании эпохи субъективного, личностного фактора, вызванного революцией, утратой родины и эмиграцией, приводит к решительным и осознанным попыткам определить степень свободы личности и ее зависимости от социальной среды, к стремлению сохранить эстетические идеалы и принципы, источником которых является Россия в дореволюционную эпоху.

В этих условиях философско-эстетическое сознание писателей характеризуется глубокой трансформацией их образного мышления, ведущей к созданию антропоцентрической художественной и исследовательской парадигм [1; 2]. Одной из составляющих подобной парадигмы становится «лирическая сатира», позволяющая трактовать «человека смеющегося» по наличию в его характере обыденных черт, а смех становится экзистенциальной характеристикой личности [3; 4].

В русской литературе первой трети XX в. наиболее своеобразное воплощение этих проблем можно проследить в сборнике рассказов А.Т. Аверченко «Записки Простодушного». В нем в новом художественном ракурсе представлен герой, деформированный средой, реальными событиями повседневной жизни, и одновременно стремящийся преодолеть абсурдность, искаженность обыденной жизни, которая встретила его в эмиграции. Подобный сатирический эффект достигается за счет сюжетобразующих особенностей произведения, в котором переплетаются реальное с фантастическим, страшное со смешным, возвышенное с низменным. Заслугой Аверченко является то, что он одновременно подмечает и фиксирует в своем герое активность, быстроту, открытость мышления, направленность к достижению большей целесообразности, готовность к новым знаниям, впечатлениям, неожиданным поворотам событий, умение охватить ситуацию во всех подробностях и деталях для возможного эффективного управления ею. Все это помогает ему пережить убогие условия эмиграции, найти себя в инокультурной среде, в катастрофических условиях бытия, вдали от исторической родины.

Основная часть. Социокультурная ситуация первой трети XX в. оказывает существенное влияние на сатиру А.Т. Аверченко эмигрантского периода. В центре внимания писателя оказывается личность в ее сложных взаимоотношениях с обществом, главными для него становятся вопросы свободы и выбора в эпоху исторических катаклизмов. В сатирических произведениях писателя (прежде всего в сборнике рассказов «Записки Простодушного») доминируют не факты, а сознание героя, ставшего свидетелем распада привычных связей, утраты духовно-нравственных идеалов человека дореволюционной России.

Принципы художественного мышления Аверченко, определившие концепцию героя «Записок Простодушного», стали центром внимания современных исследователей. К изучению этой проблемы обращается А.Г. Погребняк, рассматривающий поэтику сатиры Аверченко в контексте противопоставления «наивный человек» – «массовый человек». Выявление вклада Аверченко в развитие образа «маленького человека» изучает Н.П. Непорада. Некоторые исследователи рассматривают особенности комического героя в творчестве Аверченко, в их трудах система персонажей писателя представлена в русле сравнительного анализа. Внимание Е.Н. Брызгаловой и Н.П. Непорады сосредоточено на творчестве Саши Черного, Н.А. Тэффи и А.Т. Аверченко. А.Г. Погребняк сравнивает сатиру Саши Черного и Аверченко. К анализу типов и форм рецепции образа Константинополя-Стамбула в творчестве русских писателей первой трети XX в. обращается К.С. Романова. Исследованию индивидуально-авторского восприятия героя в малой прозе Аверченко посвящена лишь одна статья – статья Н.Ю. Желтовой, обратившейся к анализу поэтики русского национального характера. Поэтому представляется научно значимым более глубокое исследование особенностей концепции героя в сатирической прозе Аверченко эмигрантского периода, оригинально воплощенной в сборнике рассказов «Записки Простодушного».

Художественное сознание писателя, отразившееся в произведениях эмигрантского периода, передает С. Горный: «Раньше был пересмешником и пародистом <...> Потом <...> сквозь смех явилась <...> тихость, пристальная дума <...> Ударили штыком. Глубоко заглядывая в глаза, наклонилась смерть» [5, с. 98].

В центре повествования «Записок Простодушного» проблема назначения человека, решение которой герой-рассказчик видит в сохранении духовности и исторических корней, передающихся из поколения в поколение и позволяющих противостоять воздействию турецкой культуры и бездуховной среды русских эмигрантов. Отказ от эмиграции в Париж он аргументирует боязнью «оторваться от родной территории <...>, потерять связь с родным языком» [6, с. 314]. Такое понимание писателем наследственных культурных связей перекликается с мнением Э. Фромма, считающего это состояние экзистенциальной потребностью человека, без которой невозможно развитие индивида и общества, впитавшего в себя историю своей нации [7].

Аверченко представляет эволюцию своего героя как превращение Простодушного из наивного, доверчивого, благородного глупца в жестокого мудреца. При этом автор использует традицию средневекового романа странствий, где путешествия героя позволяют показать пространственное и социально-статическое многообразие мира. Однако сферу этих странствий Аверченко значительно расширяет: соединяет странствия в пространстве со «странствиями души», показывая изменения внутреннего мира героя. Суровая константинопольская действительность превращает Простодушного в «русского дурака», сочетающего в себе признаки ума и глупости: «Дал мне околоточный два раза по шее, дураком назвал <...>. Действительно, в те времена дураком я был, потому что обидно мне сделалось, и даже плакал <...>» [6, с. 139]. За годы жизни в Константинополе в лице Простодушного появляется что-то хитрое и жестокое, вокруг губ образуются резкие складки – свидетельство «дорого приобретенной мудрости» [6, с. 348]. Причину перевоплощения своего повествователя, смех которого становится «смехом сквозь проклятие», Аверченко объясняет печальным опытом, приобретенным в Константинополе [8]. По утверждению А.Д. Синаевского, «русский дурак сознательно отказывается от деятельности контролирующего рассудка и погружается в состояние восприимчивой пассивности» [9, с. 18].

Потеря качеств дурака для русского человека свидетельствует об утрате его связи с Богом, а значит, духовной гибели. Крах духовности эмигрантов связывается и с проблемой упадка русской культуры, о которой говорил еще герой фельетона «Чертовое колесо», вошедшего в сборник «Дюжина ножей в спину революции»: «И вот подходит к барьеру дурак, выбирает из корзины <...> побольше деревянных шаров, берет в правую один шар, вот размахнулся – бац! – и уже нет искусства, и только остается на месте какой-то жалкий покосившийся пролеткультовский огрызок» [10, с. 143]. А между тем на основе культуры функционирует и развивается огромное количество программ человеческой деятельности, поведения и общения, необходимых как для распознавания разрушительного потенциала, так и утверждения гуманистических способов существования в катастрофических условиях жизни. Деграция культуры и отказ от гуманистических ценностей, по мнению героя, приводят к тому, что читатели, некогда знакомые с лучшими произведениями классической литературы, довольствуются лишь любованием виселицами: «<...> одна виселица на букву «Г» похожа, другая – на «И» – почитал и пошёл. Все-таки чтение – пища для ума» [10, с. 103].

Осознание повествователем своего места в жизни происходит также через выявление сущности русской души. Анализируя константы русского национального характера, он выделяет две основные – тоску и волю: «И на чужбине я буду помнить твои маленькие церковки и зеленые монастыри, <...> холодный красавец Петербург <...>, «Медведя» на Конюшенной, где так хорошо было запить расстегай рюмкой рябиновой!» [6, с. 314]. Эта же проблема развивается немного позже в фельетоне «Тоска по родине», вошедшем в сборник «Кубарем по заграницам». Вспоминая о русской печке, традиционных национальных блюдах, заботе родных, повествователь страдает от чувства одиночества и противопоставляет прозябанию в эмиграции свою жизнь в дореволюционной России: «Тепло, в печке дрова гудят, а передо мной – яички всмятку и котлетка только что изжаренная <...>. А теперь кто разве будет беспокоиться? Черта с два!» [6, с. 111].

Герой-рассказчик очень дорожит такими атрибутами традиционной русской духовной жизни, как Пасха и колокола [11]. В свое время он поймал вора, пытавшегося вытащить портмоне, «да так похристосовался, что тот волчком завертелся», а теперь готов простить его грех: «Бери <...>, только бы мне еще полчасика <...> со свечой постоять, колокола послушать» [6, с. 138]. Таким образом писателю удается выразить свои представления о русской тоске, которая, как считает Н.А. Бердяев, «направлена к высшему миру и сопровождается чувством ничтожества, пустоты, тленности этого мира» [12, с. 61].

В этих условиях герой идентифицирует себя как русского человека через сопоставление с обычаями культуры другой страны. В фельетоне «Прага» перед читателем предстают хитрецы, которые в восторге не столько от архитектурных ансамблей, сколько от обычаев чехов, не заклеивающих афиши конкурентов и приносящих с собой в кафе закуску. Ведь именно эти традиции эмигранты рассчитывают ввести в России. Однако традиционные нормы европейской жизни они не готовы принять полностью, поэтому и отказываются платить крупные штрафы за чтение на улице и прыжки на ходу на подножку трамвая.

Такая позиция Простодушного объясняется разницей в восприятии свободы русским и чехом. Чтобы дать точное определение сущности свободы в понимании русского человека, необходимо правильно дифференцировать представления о русской «воле» и западноевропейской «свободе». По утверждению Г.П. Федотова, «воля есть прежде всего возможность жить <...>, не стесняясь никакими социальными узами <...>. Свобода личная немыслима без уважения к чужой свободе» [13, с. 284]. А у Аверченко в восприятии повествователя «Записок Простодушного» русский эмигрант отождествляет свободу и волю. Подобный тип персонажа остро осознает свое отличие от европейцев. Он быстро и безошибочно определяет черты характера чехов, не свойственные русским людям: «Он ласков. Он заботлив. Он внимателен. Невозмутим. Всегда прекрасное расположение духа <...>» [6, с. 139]. Повествователь воспринимает эти качества чехов как своеобразную маску, поэтому пытается «вывести чеха из себя» и легко добивается поставленной цели всего лишь негативной оценкой кнедликов.

Концепция героя «Записок Простодушного» связана и с проблемой осмысления представлений о будущем России. Решение этого вопроса заключается в понимании национальной истории как целостного процесса, в котором можно найти обоснование и оправдание своему существованию и в качестве личности, и в качестве гражданина. Для Простодушного будущее ассоциируется со свободой как необходимым условием духовности, способностью сохранения нравственных ценностей дореволюционной России: «Мы <...> говорили о том, что еще так недавно сверкало, звенело и искрилось, <...> и что теперь залилось океаном топкой грязи <...>» [6, с. 299].

Не случайна маска Простодушного, которая используется для сатирического изображения абсурдной реальности и позволяет скрывать драматизм жизни русских эмигрантов под комической стороной событий. Уже в предисловии к сборнику становится понятным, что герой надломлен, но в его отношении к жизни нет ничего двусмысленного: с наступлением советской эпохи, когда «вся Россия вывернулась наизнанку, жизнь встала с ног на голову», свадьба, подразумевающая праздник, оказывается источником трудностей и бед, потому что в семье выжить намного сложнее, чем одному [6, с. 138]. А вот похороны теперь являются поводом для радости, потому что хоть один человек, наконец, обретает покой. Это понятно и герою, и читателю. Но это всего лишь начало пути: впереди суровые жизненные испытания в чужом экзистенциальном пространстве.

Повествователь осуждает жадность, алчность, хамство, эгоизм представителей русской эмиграции, наживающихся на бедственном положении земляков («Константинопольский зверинец» и «Второе посещение зверинца»). В константинопольском ресторане, подобном зверинцу, Простодушный встречает «комиссионера удовольствий», который, «щелкая зубами и сверкая глазами», внезапно накидывается на посетителей с предложением нечестной сделки. Здесь же оказывается и хитроумный рантье, получивший деньги «благодаря успешной конкуренции с двадцатью пятью кошками» [6, с. 292]. Эти карикатурные зарисовки показывают, как морально-нравственный слом, произошедший в душах русских беженцев, низводит их до уровня животного. В рассказе-фельетоне «Лотто-Тамболо» повествователь с сарказмом описывает беспомощность, наивность, излишнюю доверчивость русского эмигранта в азартной игре, которая строится на умении манипулировать психологией глупцов: «Если у дурака просто отнять деньги, он будет плакать, а если ему посулить, что он на свои три лиры проигрыша может получить сорок лир выигрыша <...>, то придется следить <...>: не выиграет ли?» [6, с. 294].

Подобному типу «хозяев жизни» противопоставлены те, кто в убогих условиях эмигрантской жизни сохранил интеллигентность, благородство, чувство собственного достоинства. Среди них петербургский профессор Бестужевских курсов, нынче – швейцар местных ресторанов, графиня, служащая официанткой («Русские женщины в Константинополе»). На приставания Филимона Бузыкина и фривольное обращение «Маруся!» бывшая графиня отвечает звонкой пощечиной и хладнокровным возражением: «Я не Маруся <...>, я – баронесса Тизенгаузен. Меня зовут Елена Павловна» [6, с. 280].

Еще одно качество героев рассказов Аверченко, помогающее им выжить на чужбине, – оптимизм. Константинопольские профессии персонажей фельетона «О гробах, тараканах и пустых бабах внутри»

свидетельствуют об изобретательности русских эмигрантов. Один из них лежит в гробу в оккультном кабинете и отвечает на вопросы посетителей, другая носит зеленый бант (цвет ездока на тараканьих бегах) и ведет запись в тараканий тотализатор. «Ой, крепок еще русский человек, ежели гроб его не берет <...>, ежели простой таракан его кормит», – заключает автор [6, с. 280].

Художественное целое цикла «Записки Простодушного» представляет собой синтез комического и трагического начал. Аверченко интересуется человек в его экзистенциальном осмыслении – между жизнью и смертью. Смех над смертью, олицетворяющей прежде всего духовное падение человека, окрашивается в несвойственные сатирическому произведению трагические тона. Писатель представляет несоответствие деятельности людей эстетическому идеалу; отрицание одних человеческих качеств и общественных явлений и утверждение других; познание экзистенциальности происходящего в самых заурядных жизненных ситуациях; определенную диспропорцию в изображении реальных явлений; выделение, заострение существующих контрастов, противоречий, недостатков.

Концепция героя «Записок Простодушного» Аверченко формируется не только на уровне содержания, но и формы произведения. Следует отметить, что доминирующим жанром сатиры Аверченко эмигрантского периода является рассказ-фельетон, основанный на реальных событиях и претендующий на иллюзию правдивости. Однако сатирик обращается и к написанию рассказов-анекдотов, в основе которых вымышленный сюжет. При этом главными средствами создания комического эффекта становятся ирония и сатирическое обличение, позволяющие высмеивать абсурдность жизни в эпоху исторических катаклизмов [14]. Именно сатира становится для Аверченко лекарством, «помогающим пережить тяготы эмиграции» [15 с. 108]. Это объясняется особым статусом сатиры в переходные, кризисные периоды резкого и болезненного изменения всех жизненных форм: социально-политических и экономических институтов, этических верований и нравов, экзистенциальных категорий.

В центре повествования сатирических произведений Аверченко «маленький человек». Его герой напоминает Башмачкина Н.В. Гоголя (низкое социальное положение, мечты о материальных благах, узость интересов) и «человека в футляре» А.П. Чехова (страх, замкнутость, душевная скупость) [14]. Вместе с тем «маленький человек» Аверченко является представителем другой эпохи – революционного времени и реалий эмиграции, оказавших влияние на его образ мысли и характер.

Сатирик высмеивает нелепую жизнь беженцев, в том числе и русских эмигрантов. В центре внимания Аверченко, как правило, противостояние наивного мечтателя и прагматичного плута. Так, главный герой рассказа-анекдота «Окултные тайны Востока» решает пойти к хироманту. Но из-за недоверия к хиромантии он находит человека, который за две лиры посетит сеанс. Молодому 24-летнему человеку (инвалиду войны, рука которого протез), согласно предсказаниям хироманта, 52 года, доживет он до 240 лет. Но за этой комической ситуацией скрывается трагическая суть произведения: молодой человек пошел к хироманту только потому, что «<...> боялся потерять две (предложенные за это) лиры» [6, с. 169]. Источник комизма в данном рассказе заключается в абсурдности предсказаний и парадоксальности финала, раскрывающего истинную причину обращения молодого человека к хироманту.

Анализ «Окултных тайн Востока» позволяет утверждать, что последовательный сюжет с непредсказуемым финалом, оппозиция нормы и исключения, доведение ситуации до абсурда выражают разные аспекты жизни «маленького человека» и приводят к дальнейшему развитию этого образа в жанре рассказа-фельетона [3].

В рассказах-фельетонах, вошедших в состав «Записок Простодушного», автор осуждает корыстолюбие и бесчеловечность, пошлость и ограниченность, лицемерие и глупость героев. Эти особенности характера русских эмигрантов сатирик представляет с помощью трехчастной композиции, многократного повторения одного и того же сюжета в разных вариациях, комической развязки, акцентирующей внимание на безнадежности положения. Так, в рассказе-фельетоне «Еще гроб» Простодушный иронизирует над теми, кто возводит свои беды в абсолют. Эта идея отображается не только на уровне содержания, но и на уровне композиции произведения. Зачин его начинается радостно: «Иногда – ни с того, ни с сего – накатывает такое веселое настроение, что <...> хочется весь мир обнять <...>» [6, с. 301]. Основная часть произведения посвящена встрече Простодушного с русской кельнершей, от сетований которой по поводу обрушившихся на нее несчастий даже «деревцо за окном вяло опускает ветки <...>» [6, с. 302]. После общения с ней герой-рассказчик хочет повеситься, но в концовке вновь становится веселым и убегает от кельнерши, что и создает комический эффект.

Во многих произведениях писателя основным приемом комического становится гротеск. У Аверченко появляется много сюжетов, строящихся на многократном повторении, варьировании одной и той же ситуации, завершающейся неожиданной комической концовкой. В рассказе-фельетоне «Как добыть себе в Праге комнату» рассказчик дает совет бездомному эмигранту, каким образом можно получить хорошее жилье. Для достижения поставленной цели он рекомендует найти ревнивого владельца уютной комнаты и договориться с ним о встрече в номере гостиницы, где якобы находится сейчас его жена с любовником. О предстоящей встрече следует сообщить жене и жильцу комнаты, предупредив их о необходимости иметь

при себе оружие: «Что-нибудь да выйдет: <...> кто-нибудь попадет в тюрьму, кто-нибудь – на кладбище...» [6, с. 143]. Вот и появится шанс быстренько занять «освободившуюся комнату».

Одной из форм нарративной организации «Записок Простодушного» является маска, предполагающая определенную точку зрения на изображаемые события, их идейно-эмоциональную оценку. Наиболее сложным вариантом маски является тот, при котором она максимально сближается с автором, но все же полностью не совпадает с ним. Иллюстрацией подобного типа нарратора является маска простодушного человека, объединяющая все произведения цикла. За этой маской скрывается герой, действия и поступки которого при видимой беспорядочности, хаотичности противоречий по сути складываются в логическую последовательность и придают, казалось бы, тематически разрозненным элементам повествования в форме отдельных рассказов романно-эпический характер. Поэтому отдельные сюжетно самостоятельные рассказы становятся своеобразными главами большого эпического сюжета. Эту же традицию используют А. де Сент-Экзюпери и польский писатель межвоенного десятилетия Б.Я. Щульц [16, с. 163].

При этом Простодушный либо описывает те случаи, непосредственным участником которых стал он сам, либо произошедшие с его друзьями и знакомыми. Соответственно первые представляют собой ряд смешных, нелепых злоключений героя, в которые он попадает из-за своей наивности и доверчивости («Галантная жизнь Константинополя», «Деловая жизнь», «Бриллиант в три карата»). В рассказах второго типа в центре внимания оказываются не сами события, а восприятие их Простодушным, выражающееся в подробных описаниях, характеристиках, рассуждениях по поводу изображаемого («О гробах, тараканах и пустых внутри бабах», «Благородная девушка», «Аргонавты и золотое руно»). И в одном, и в другом случае в восприятии жизни Простодушным преобладает бесхитростно-добродушный, наивно-доверчивый взгляд. Но постепенно, от рассказа к рассказу, под впечатлением от увиденного и пережитого характер повествователя претерпевает изменения и переходит в новое качество – маску циника: «Гляжу я в зеркало <...>, – и нет больше простодушия в лице моем... Выковали из нас <...> прочное железное изделие» [6, с. 133].

Но ни маска простодушного человека, ни маска циника, максимально сближаясь с автором, не совпадают с ним полностью. Только в некоторых случаях авторские размышления о человеке и мире выражаются открыто: «Иди, женщина русская <...>. Дойдешь же ты, наконец, или до лучшего будущего, или... до могилы...» [6, с. 76]. Таким образом, нарративная маска позволяет сатирику изложить те мысли, которые трудно высказать от своего имени, и является весьма эффективным художественным средством, расширяющим границы сатирических ракурсов и форм осмеяния.

Особое место в палитре художественных средств, создающих концепцию героя «Записок Простодушного», принадлежит реминисценциям. Обращаясь к хорошо известному и знакомому материалу, Аверченко переосмысливает и переоценивает его, меняет акценты, предлагает новое прочтение произведений в соответствии с духом времени и иными историческими условиями. Непосредственная реминисценция к роману Л.Н. Толстого «Война и мир» обнаруживается в рассказе-фельетоне Аверченко «Русские в Византии». Экономические трудности, как показывает автор, сгладили бы остроту спора героев романа «Война и мир», отодвинув вопрос чести, если бы дуэль состоялась в Константинополе. Автор подчеркивает, что русские эмигранты оказываются в комической ситуации, так как представления о мире, существующие в рамках русской элитарной культуры, не соответствуют реалиям константинопольской жизни, ведущим к утрате связи русских со своими историческими корнями.

Заключение. На основании изложенного представляется возможным сделать следующие выводы:

– в цикле рассказов Аверченко «Записки Простодушного» представлен новый трагический тип героя – «маленького человека», утратившего родину, свое место во взрослой социальной среде, но остро ощущающего потерю стабильности собственного существования и стремящегося обрести себя в новых условиях бытия; невозможность последнего делает героя одиноким и несчастным;

– писатель показывает героя, стремящегося преодолеть традицию разрыва наследственных культурных связей между поколениями и одновременно пытающегося восстановить духовно-нравственные идеалы дореволюционной эпохи, которые оказались разрушенными революцией;

– писатель представляет новый тип трагедии одиночества человека – выходца из «иной среды», иной культуры – своеобразного «чужака», одинокого среди людей, которые его не понимают и которых не понимает он;

– в концепции героя выражено мировоззрение самого автора, в которой заключено превращение изображаемого персонажа из наивного глупца в жестокого мудреца, способного понять благожелательное отрицание ситуации пошлости, благодушия, богооставленности, связанной с утратой нравственных ценностей, принципов истинной свободы и духовности; это персонаж, не утративший существенные черты русского национального характера – духовность, сохранение достоинства, благородства, честности, чести, противостоящий тоске и воле, но не всегда умеющий идентифицироваться в культуре чужой страны;

– писатель высмеивает нелепость, уродливость, безысходность мира, вовлекая читателя в интеллектуально-смысловую игру, в основе которой заключена возможность формирования способности распознавания убогих условий жизни русского эмигранта, развенчания разрушительного потенциала итогов русской революции, утверждения гуманистических способов существования в инокультурной среде, в катастрофических условиях жизни, вдали от исторической родины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Келдыш, В.А. Русская литература «Серебряного века» как сложная целостность / В.А. Келдыш // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов): в 2 кн. ; отв. ред. В.А. Келдыш. – М. : ИМЛИ РАН : Наследие, 2000. – Кн. 1. – С. 13–69.
2. Егорова, Л.П. Интерпретация как феномен антропоцентрического литературоведения // Вестник СГУ, 2002. – №. 29. – С. 100–109.
3. Брызгалова, Е.Н. Русская сатира и юмористика начала XX века / Е.Н. Брызгалова. – Тверь : ТвГУ, 2002. – 206 с.
4. Рюмина, М.Т. Эстетика смеха: смех как виртуальная реальность / М.Т. Рюмина. – М. : Либроком, 2010. – 320 с.
5. Горный, С. Автобиография / С. Горный // Калифорнийский альманах. – Сан-Франциско, 1934. – С. 98–99.
6. Аверченко, А.Т. Собрание сочинений : в 6 т. / А.Т. Аверченко ; вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. Ст. Никоненко. – М. : Терра-Кн. клуб, 2007. – Т. 6 : Смешное в страшном; Записки Простодушного; Пантеон советов молодым людям; Отдых на крапиве; Рассказы циники; Шутка Мецената. – 479 с.
7. Фромм, Э. Здоровое общество / Э. Фромм ; пер. Т.В. Банкетово́й, С.В. Карпушиной. – М. : Астрель, 2011. – 446 с.
8. Романова, К.С. Рецепция Константинополя-Стамбула в русской литературе первой трети XX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 [Электронный ресурс] / К.С. Романова. – М., 2019. – 25 с. – Режим доступа: <https://search.rsl.ru/record/01008590475>. – Дата доступа: 12.05.2021 г.
9. Синявский, А.Д. Иван-дурак: очерк русской народной веры / А.Д. Синявский. – М. : Аграф, 2001. – 463 с.
10. Аверченко, А.Т. Собрание сочинений : в 6 т. / А.Т. Аверченко. – М. : Терра-Кн. клуб, 2007. – Т. 5 : Караси и щуки; Подходцев и двое других; Чудеса в решетке; Нечистая сила; Дюжина ножей в спину революции; Дети; Кипящий котел. – 526 с.
11. Желтова, Н.Ю. Поэтика русского национального характера / Н.Ю. Желтова // Вестник ТГУ, 2013. – Т. 10. – № 3. – С. 205–209.
12. Бердяев, Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности / Н.А. Бердяев. – М. : МГУ, 1990. – 240 с.
13. Федотов, Г.П. Судьба и грехи России : в 2 т. / Г.П. Федотов. – СПб. : София, 1992. – Т. 2. – 350 с.
14. Кузьмина, О.А. Рассказы А.Т. Аверченко: Жанр, стиль, поэтика : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 [Электронный ресурс] / О.А. Кузьмина. – Тверь, 2003. – 19 с. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/rasskazy-averchenko-zhanr-stil-poetika>. – Дата доступа: 10.05.2021 г.
15. Николаев, Д.Д. Аверченко (1881–1925) / Д.Д. Николаев // Литература русского зарубежья 1920–1940. – М. : Наследие ИМЛИ, 1999. – С. 76–120.
16. Мусиенко, С.Ф. Реалистический роман в польской литературе межвоенного двадцатилетия (20–30-е гг. XX в.) / С.Ф. Мусиенко. – Гродно : ГрГУ, 2003. – 262 с.

Поступила 05.07.2021

THE CONCEPTION OF THE HERO IN THE COLLECTION OF A.T. AVERCHENKO'S SHORT STORIES "THE NOTES OF THE SIMPLE-MINDED"

L. SHUMSKAYA

The features of the embodiment of A.T. Averchenko's personality in the collection of short stories "The notes of the Simple-Minded" have been discussed in the article. This found expression in the creation of a new type of a tragic hero - a "little man" who lost his homeland but who is extremely sensitive to the loss of life stability and strives to find himself in the new conditions of being. The author's conception of the hero has been substantiated; according to this conception new cultural preconceptions are impossible without striving to overcome the gap of the hereditary cultural ties between generations, to restore the spiritual and moral ideals of the pre-revolutionary times and to recognize the destructive impact of the foreign cultural environment. It has been established that the author's outlook reveals in the committed and artistic evolution of the hero who turned from a naive fool into a cruel sage and a cynic person. The author's reading of a new type of a human's solitude tragedy – a descendant from «another circumstance», another culture, a loner among persons who don't understand him and he doesn't understand them has been proved. The originality of the interpretation of Averchenko's tragical and grotesque hero who finds some new ways of forming the comic at the content level and works form has been substantiated. The constants of the "little man's" character (melancholy and will, "one's own" and "someone else's") who strives to keep his own spirituality, who is able to oppose the epoch's upheavals for the sake of personal freedom have been established.

Keywords: lyrical satire, concept of a hero, art perception, revolution, «little man», spirituality, freedom, grotesque.